

Он ощутил, как в его душе зародилось чувство досады, словно он сам себе подставил ногу. Все это время он пытался противостоять Су Ин, используя правила, знакомые ему из кругов столичной знати, но никогда не задумывался о том, что этот человек родом из глуши и вовсе не разбирается в этих хитросплетениях. Если так подумать, то все его «сражения умов» за последнее время выглядели нелепо, словно он был клоуном, развлекающим публику.

Его мысли были заняты лишь тем, как избавиться от Лань Синь, не раскрыв при этом свою истинную сущность. Он никогда не предполагал, что, прежде чем его разоблачат, он окажется осуждённым за убийство.

Возможность того, что убийство Лань Синь приведёт к наказанию, никогда не приходила в голову Сюй Минцзиню. Ведь среди знати, с которой он общался, были и те, кто поступал гораздо более жестоко и безрассудно, но все это обычно улаживалось в частном порядке. Кто из них когда-либо сталкивался с наказанием со стороны властей? Лишь после того, как Су Ин обратился в суд, у него впервые появилась мысль: «Я могу быть осуждён».

Сюй Минцзинь чувствовал лишь нелепость происходящего.

В тот момент, когда он внутренне насмеялся над собой, столичный судья уже вынес суровый приговор:

— Три года каторги.

Три года в тюрьме? Как такое возможно? Лицо Сюй Минцзиня, до этого вялое и подавленное, словно обдали ледяной водой.

Он не стал раздумывать, поднял голову и громко перебил слова судьи:

— Я не согласен! Согласно законам Ци, если простолюдин оскорбляет благородного и при этом погибает, то виновный не подлежит наказанию; если же убийство произошло по ошибке и жертва сама виновата, то наказание ограничивается штрафом! Этот простолюдин оскорбил меня, я лишь защищался, у меня не было намерения убивать. Почему же меня обвиняют в убийстве? Прошу вас, судья, рассудить справедливо.

Эти два закона Ци касались двух ситуаций: если простолюдин, оскорбивший благородного, погибал, то убийца не подлежал наказанию; если же убийство было совершено по неосторожности и жертва сама была виновата, то наказание ограничивалось штрафом.

Произнося это, Сюй Минцзинь бросил взгляд на Су Ина, стоявшего рядом, давая понять, что подозревает судью в том, что тот намеренно выносит суровый приговор, чтобы угодить настоящему наследнику дома Вэйского гуна.

В обычное время Сюй Минцзинь никогда бы не позволил себе столь резких слов, открыто

противостоя судьё, ведь столичный судья — не мелкий чиновник.

Но сейчас, когда его вот-вот отправят в тюрьму, он уже не думал о последствиях своих слов. Он знал лишь одно: если судья дорожит своей репутацией и не хочет запятнать своё имя, то, даже если он разгневан, он всё равно серьёзно рассмотрит его слова.

Судья Ван, оказавшийся под необоснованным подозрением, нахмурился.

— Недаром говорят, что ты известный талант Шанцзина, разбираешься в законах Ци, — произнёс он с долей сарказма, а затем, ударив деревянным молотком по столу, продолжил уже строгим тоном. — Но в этом деле слишком много неясностей. Ты утверждаешь, что убил случайно, но кто может это подтвердить? Ты говоришь, что жертва первой напала на тебя, но где доказательства? А что, если ты убил её, а затем нанёс себе ранения, чтобы обвинить её? Насколько это вероятно?

Судья Ван сказал это мимоходом, но его слова попали в самую суть. На спине Сюй Минцзиня выступил холодный пот, но на его лице по-прежнему читалось упрямство. Он больше не осмеливался продолжать спор.

Судья Ван не заметил его страха и спокойно продолжил:

— За умышленное убийство наказание варьируется от ссылки до казни. Я приговорил тебя лишь к трём годам каторги, учитывая все обстоятельства дела. Я взвесил все возможные варианты и принял компромиссное решение.

— А что касается оскорбления благородного? Жертва уже много лет назад была освобождена от статуса простолюдинки и вернулась в сословие свободных людей. У тебя нет титула, нет военных заслуг, нет должности. Вы оба — простые люди. О каком оскорблении благородного может идти речь?

Сказав это, судья Ван усмехнулся, словно насмехаясь над невежеством Сюй Минцзиня. Неужели он до сих пор считает себя наследником дома Вэйского гуна?

Его слова звучали как прямой упрёк: «Ты презираешь её за то, что она простолюдинка, но сам-то кто ты?»

Сюй Минцзинь никогда не сталкивался с такой язвительной насмешкой в лицо. Его лицо покраснело, и он больше не мог произнести ни слова.

Он не смог сдержаться и спросил:

— Разве Лань Синь не была служанкой семьи Ли?

Она сама призналась, что была личной служанкой его матери! Да и на протяжении всего пути этот деревенщина постоянно командовал ею, заставляя выполнять грязную работу, связанную с уходом за свиньями. Хотя он называл её «тётушкой», но по её поведению было ясно, что она — служанка.

Не зная законов этого времени, Су Ин позволил судье Вану продолжить:

— Конечно, нет.

Он серьёзно возразил, защищая Лань Синь:

— Тётушка Лань Синь уже много лет как освобождена от статуса служанки. Она породнилась с моей матерью, а теперь и с вашей матерью, став ей как сестра. Её забота обо мне — это проявление любви старшего поколения, а не обязанности служанки. Именно поэтому я и обратился в суд, чтобы смерть тётушки Лань Синь не осталась безнаказанной.

Говоря это, Су Ин пристально смотрел на кровавую призрака в окровавленной одежде, который, словно тень, преследовал Сюй Минцзиня.

Призрак, казалось, был в ярости:

— Да, да, этот злодей причинил мне столько страданий! Три года каторги — это слишком мало! Я буду являться ему каждую ночь в снах, чтобы он никогда не знал покоя!

Став призраком, она, казалось, обрела больше сил, и её речь стала более чёткой.

Она не забыла пожаловаться Су Ин:

— Саньлан, ты не знаешь, что ошибка, из-за которой вас перепутали, была не случайной. Все эти годы ты страдал из-за её матери! Она, чтобы её сын не знал лишений и жил в роскоши, безжалостно поменяла вас местами! Ты должен был провести шестнадцать лет в доме Вэйского гуна, наслаждаясь благополучием! Этот парень украл твою судьбу, но относился к тебе как к врагу. А теперь, полный ненависти, он станет угрозой для всех, если останется в живых!

Голос призрака был пронзительным и полным горечи. Её кроваво-красный силуэт, словно пылающее пламя, обвивался вокруг Сюй Минцзиня, а её окровавленные волосы, как щупальца, разлетались во все стороны. Её голос звучал, как стон, полный боли.

— Убей его, убей его, ты должен убить его! Этот злодей без сердца и души, сегодня он убил меня, чтобы скрыть правду, а завтра он убьёт тебя и погубит дом гуна! Саньлан, ты не должен его отпускать, ты должен убить этого злодея!

— Ладно, ладно, убьёшь его сама, — ответил Су Ин с полным безразличием.

[Даже убить врага не может, вот слабак. Сколько уже кричит, а цвет её силуэта не стал темнее. Похоже, в этом мире у призраков есть свои пределы.]

[Неудивительно, что в этом мире никогда не было слухов о призраках и сверхъестественном. Видимо, даже если призраки и существуют, они не могут вмешиваться в дела людей?]

Пока Су Ин размышлял о том, чем ещё может быть полезен этот слабый призрак, его мысли прервал радостный голос Сюй Минцзиня.

— Отец, мать!

Пара величественных супругов средних лет неожиданно появилась в зале суда, словно это было самым обычным делом, и даже судья Ван не стал их упрекать.

Это были герцог Вэй и его супруга, получившие известие от Сюй Минъюя.

Су Ин с любопытством посмотрел на них, и их взгляды встретились.

В глазах пары промелькнуло волнение.

— Господин Ван, не могли бы вы дать нам немного времени?

Герцог Вэй Сюй Цянь произнёс эти слова.

Их появление удивило судью Вана, но он уже знал о происхождении Сюй Минцзиня и Су Ина и, вероятно, догадывался о цели их визита. Поэтому, после минутного удивления, он согласился, ведь дело уже было решено.

— Отец, мать!

Сюй Минцзинь, которого вот-вот должны были увести, снова крикнул, смотря на них с надеждой и радостью:

— Вы пришли спасти меня?

Его вид был поистине жалким. На голове всё ещё была повязка, из-за его борьбы на ней проступили пятна крови, лицо было бледным, без единого намёка на румянец. Всего за месяц он сильно похудел.

Хоть он и был приёмным ребёнком, герцог и его супруга, увидев его в таком состоянии, не могли сдержать вдоха.

Этот вздох отозвался в сердце Сюй Минцзиня, словно удар. Ему показалось, что он снова вернулся в те дни, когда отец гордился им, а мать заботилась о нем. Он, словно ухватившись за последнюю соломинку, изо всех сил вырвался из рук стражников:

— Я не хочу в тюрьму, я невиновен!

— Это проклятая служанка виновата!

— Вы растили меня с детства! Вы знаете меня, я никогда не стал бы нападать на человека без причины. Это она виновата, меня подставили!

— Дитя, ты столько страдал.

В глазах Сюй Минцзиня, смотрящего на них как на спасителей, герцогиня была полна сострадания, а на глазах у неё выступили слезы.

Она подошла к Сюй Минцзиню.

На бледном и исхудавшем лице Сюй Минцзиня появилась улыбка. Он хотел сказать: «Я не страдаю, если мама всё ещё признаёт меня своим сыном. Если я смогу остаться в доме Вэйского гуна».

<http://bllate.org/book/15395/1360050>